

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

«Общее языкознание. Внутренняя структура языка». — М., изд-во «Наука», 1972. 566 стр.

Проблема внутренней структуры языка, несомненно, является одной из основополагающих в теоретическом языкознании. То или иное понимание внутренней структуры языка в значительной степени обуславливает интерпретацию многих других проблем, связанных с изучением самого языка, его существования и развития, речемыслительной деятельности и речевых образований.

Рассмотрению отдельных сторон этой фундаментальной проблемы языкознания посвящено большое количество специальных и общих работ. Выход обобщающего труда «Общее языкознание. Внутренняя структура языка» — важное событие в теоретическом языкознании. Эта книга является органическим продолжением первой книги «Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка» (М., 1970)¹. Содержание новой книги, по формулировке авторов, «охватывает по существу одну большую тему — проблемы, связанные с внутренними сущностными характеристиками языка» (стр. 5).

Основную задачу авторы видят в том, чтобы в намеченной тематике выделить круг проблем, которые представляют наибольший интерес в современном языкознании. Авторы при этом указывают, что «они будут считать свою задачу выполненной, если высказанные здесь положения помогут в известной степени более отчетливо уяснить сущность рассматриваемых проблем или направить их дальнейшее изучение по более рациональному пути» (стр. 6).

Книга состоит из отдельных девяти глав; их можно объединить в три части. В первых двух главах (I—II, стр. 8—119) излагается понимание языковой системы, структуры языка и уровней структуризации. В последующих пяти главах (III—VII, стр. 120—515) описываются «сферы или области языка (фонология, грамматика, словообразование, лексика и фразеология)» (стр. 5). Последние две главы (VIII—IX, стр. 516—561) излагают вопросы лингвистической типологии и проблему универсалий языка.

Первые две главы — общетеоретические; авторами гл. I «О понятиях языковой

системы и структуры языка» (стр. 8—91) являются Е. С. Кубрякова и Г. П. Мельников, гл. II «Уровни языковой структуры» (стр. 92—119) — Т. В. Булыгина и Г. А. Климов.

Языковая структура раскрывается через понятия системы и уровня, изучаемые при помощи нестроого логико-математического интегрирования. В поисках решений и поддержки своих положений авторы обращаются к работам по теории системных исследований и работам структурального направления в лингвистике, где были выдвинуты понятия «система» и «структура». Однако здесь обнаруживаются «естественные затруднения». «Целое лингвистическое направление, поставившее во главу угла изучение языка как системы, но провозгласившее себя тем не менее структурным, так и не ответило окончательно на вопрос о том, в чем заключается принципиальное отличие языковой системы от структуры языка и существенно ли оно вообще для теории и практики лингвистических исследований» (стр. 13).

Односторонность и недостаточность структурального направления в языкознании авторы справедливо видят в том, что языковая система в нем описывается лишь со стороны ее реляционных (структурных) свойств. Между тем рассмотрение любого естественного объекта должно опираться на три стороны его бытия — «а) как определенной совокупности элементов; б) как определенной совокупности отношений между этими элементами; в) как связанного целого, т. е. как определенной согласованной совокупности элементов и отношений, существующей в силу воплощения элементов в определенную субстанцию» (стр. 24). Три стороны бытия объекта служат основанием выделить три аспекта исследования — элементный (или вещно-субстантный) подход, структурный (реляционный) подход и системный подход (см. стр. 24—25).

Системный подход понимается как «новый аспект исследования, не сводимый ни к собственно субстантному анализу, ни к анализу структурному» (стр. 26). Изложение основных принципов системного подхода и составляет суть первой главы.

«Каждая действующая и развивающаяся система, — пишут авторы, — существует только в результате согласования

¹ Рецензию на эту книгу см.: ВЯ, 1971, 4.

трех главных ее атрибутов — структуры, субстанции и функции, только в силу их диалектического единства. Учитывающий особенности этих трех атрибутов и их соотношения системный подход есть интегральный подход, направленный на познание объекта в его целостности» (стр. 28—29).

Поскольку наиболее изученными оказались такие признаки системы языка, как ее состав, структура и назначение, авторы выделяют пять основных направлений в изучении языковой системы: 1) инвентарно-таксономическое, 2) функциональное, 3) собственно структурное, 4) стратификационное и 5) топологическое (стр. 43); кроме того, указывается, что в предшествующем томе были рассмотрены знаковая интерпретация языковой системы и анализ языка как динамической системы, вытекающий из определения ее как особого рода адаптивного самоорганизующегося устройства. В главе сжато и целенаправленно рассмотрено понимание системы языка в структуральном направлении, и хотя рассмотрение содержит критические замечания, оно остается односторонним — структуральным и процедурно-методическим.

Общий вывод состоит в том, что функция системы как целостности является главной, что и обуславливает детерминантный анализ, при котором индуктивно выявляется детерминанта языка, после чего наступает дедуктивный этап — этап синтеза строя изучаемого языка: «... детерминанта системы является той абстракцией, в которой содержится и из которой вытекает вся полнота конкретного» (стр. 82). Что же касается структуральных направлений изучения системы, то они с этой точки зрения характеризуются в известной степени как субъективные: «В таксономических, стратификационных и структурно-типологических моделях языка ракурс рассмотрения языковой системы может быть различным; соответственно, в разных моделях указанных направлений описание получают разные стороны системы, в зависимости от конкретных целей исследования» (стр. 79).

Особенно важным понятием представляется такой компонент языка, как уровень. «С введением этого понятия в рамках стратификационной лингвистики, с одной стороны, и в пределах структурно-типологической — с другой, и складываются постепенно те представления о структуре и системе языка, которые можно рассматривать как наиболее адекватные объекту на современной ступени познания этих категорий» (стр. 67).

Объединение признаков целостности и гетерогенности на основе понятия иерархического отношения делает понятия «структура» и «система» конверсивными понятиями, что и порождает на разных страницах книги их двусмысленность. Одни из авторов рецензируемой книги опреде-

ляют язык как систему, подчеркивая его целостность; другие авторы, признавая автономность ярусов языков, находящих в иерархических отношениях, интерпретируют язык как структуру.

В гл. II изложено понимание структуры языка как уровней интеграции, распространенное в некоторых структуральных школах. В главе излагается довольно старая билатеральная концепция структуры языка, который рассматривается как единство автономных сторон языка — звуковой и смысловой (см. стр. 93). Эта концепция приобрела в структурально-логическом языкознании существенную модификацию. Внутри фонологического уровня («звуковой стороны», «плана выражения») выделяются особые единицы разных уровней интеграции: дифференциальный признак, фонема, слог, акцентная группа (фонологическое слово), фонологическая фраза (стр. 104). Связь между единицами плана выражения и плана содержания покоится на отношении изоморфности. «Параллелизм, — читаем на стр. 107, — в отношении между единицами разных уровней интеграции в плане выражения и между единицами разных уровней интеграции в плане содержания позволяет говорить об изоморфной организации обоих планов в отношении абстрактных единиц, т. е. типов, или классов единиц (класс фонем аналогичен классу семем; класс слогов — классу онематем и т. д.) ...».

Поскольку количество конкретных единиц формы содержания неизмеримо больше количества конкретных единиц формы выражения, уровневое членение плана содержания производится схематичнее и более «отвлеченно» от языковой реальности. Так, «лексемы» и «граммемы» интегрируются в «онематему»; фонологическая парадигматика, т. е. система фонем, признается структурно изоморфной онематематической парадигматике, т. е. системе семем; фонологическая синтагматика, т. е. система слогов и акцентных групп, — онематематической синтагматике, т. е. системе онематем и предложений.

Т. В. Булыгина и Г. А. Климов при этом подчеркивают, что «смысловая система не должна противоречить структуре человеческого мышления и памяти, а также и структуре внеязыковой действительности, так или иначе отражаемой в языковых высказываниях» (стр. 93). Это, конечно, правильно; но следует добавить, что «смысловая система» не должна противоречить и языковой реальности.

«Означающее слова» (т. е. лексическое и грамматическое значения и даже пучки их дифференциальных признаков) соотносятся непосредственно не со структурой слога, а с морфемным составом и морфемной структурой слова, которая не совпадает со слоговым делением. Так, *бес* — односложное слово, но двухморфемная единица; в *альт* — *тая* различие поряд-

ка следования фоном является сигналом разных слов, значения которых никак не связаны с открытостью — закрытостью слога; в *Он/читает книгу* — *Книгу/читает он* (*Книгу/он читает*) фразовая структура связывается со смыслом только через актуально-смысловое (текстовое) членение предложения, тогда как логико-морфологическая формула (т. е. класс единиц) остается одной и той же.

Создавая операциональный характер предложенных уровней интеграции, авторы обращаются к структуризации на знаковом уровне и вводят без определения понятие «область языка». На знаковом уровне в русском языке особыми знаковыми единицами являются морфема, слово и предложение (стр. 108), которые, будучи связанными конституентными отношениями, отличаются специфической функцией. Что же касается словообразования, словосочетания и фразеологии, то они выводятся за пределы внутренней структуры языка, относясь к области «внешнего функционирования единицы» (стр. 111, см. также 109—110). Авторы подчеркивают, что различие единиц языка не ограничивается только их «протяженностью», или степенью сложности; они различаются особой функцией, качественным отличием типа абстракции; только как конкретные единицы текста морфемы, словоформы и предложения различаются по степени сложности².

Понимание структуры языка как интегрированной системы и уровней интеграции изложено в рецензируемой книге с точки зрения абстрактно-логических принципов и процедурно-методического подхода к языку³. Такое понимание названо «новым подходом» (стр. 10; впрочем, ср. на стр. 30: «Развиваемая нами концепция не является чем-то абсолютно новым»). Действительно, авторы лишь уточнили, детализировали и в некоторых случаях терминологически систематизировали то, что было сформулировано в целом ряде работ на данную тему.

Принципы целостности и системности не являются открытием последних десятилетий, хотя в это время о нем стали писать более часто и специально, как, впрочем,

² Не могу не напомнить, что наделение единиц языка концептуальным содержанием, а текстовых единиц только протяженностью, или сложностью, восходит в философии, логике и языкознании к дуалистической концепции Р. Декарта. Он, как известно, рассматривал материю как две автономные субстанции: для одной из них атрибутом является протяженность, для другой — мышление.

³ В связи с этим см.: А. С. Мельник, Понятие системы и структуры языка в свете диалектического материализма, ВЯ, 1970, 1; В. М. Солнцев, Язык как системно-структурное образование, М., 1971.

и о многих других добрых старых принципах науки. Еще Ф. Энгельс писал, что превосходство древнегреческой философии над всеми ее позднейшими метафизическими противниками заключается в том, что она признавала принцип всеобщей связи явлений⁴. Этот принцип является одним из основных черт материалистического диалектического метода, который признает единство части и целого, вещи и ее отношений, сложной организации бытия. Заявление авторов о том, что «работа по освещению творческого наследия марксизма-ленинизма в данной области (в области лингвистических системных и структурных исследований. — В. К.) только начинается» (стр. 11), может быть принято лишь в том смысле, что марксистско-ленинская теория и диалектико-материалистический метод как руководство к действию постоянно уточняются и развиваются и что кризис структурального языкознания можно преодолеть только на основе марксистско-ленинской методологии. Предмет и принципы науки не меняются, а только углубляются, расширяются и всегда находятся в непосредственной связи с лингвистической практикой.

Понимание лингвистической теории как абстрактно-логической и сосредоточенной на методико-процедурной интерпретации также не является новым. Л. Ельмслев, интерпретируя лингвистическую теорию как экспликацию метода и учение о мета-языке, подчеркивал, что вводимые им функции совмещают понятия математического дифференциала, логической переменной и лингвистического признака. «Мы, — писал он, — взяли термин **функция** в значении, лежащем между логико-математическим и этимологическим (из которых последнее также сыграло значительную роль в науке, в том числе и в лингвистике); в формальном отношении оно ближе к первому, но не тождественно ему. Именно такое промежуточное, комбинированное понятие и необходимо лингвистике»⁵.

Е. С. Кубрякова и Г. П. Мельников признают, что понятие взаимосвязи частей языка «не было чуждым и деструктурному языкознанию» (стр. 31), что выделение частей речи и их категорий и особенно группировка языкового материала по парадигмам свидетельствовали о том, что «язык воспринимался как своеобразное единство...» (стр. 31—32), что наибольший вклад в познание системных свойств языка вносит сравнительно-историческое языкознание (стр. 34). Однако все это истолковывается лишь как «истоки» системного подхода к языку (стр. 32), так как

⁴ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., 20, 2-е изд., М., 1961, стр. 369.

⁵ Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка, «Новое в лингвистике», 1, М., 1960, стр. 293.

понятия системы и структуры языка становятся содержательными, по мнению авторов, только тогда, когда «сами эти понятия становятся предметом специального изучения и описания» (стр. 43). Т. В. Булыгина и Г. А. Климов признают, что «некоторые логические предпосылки возникновения теории стратификации языка содержались уже в обычном для традиционного языкознания троичном разделении языкового строя на фонетику, грамматику и лексику...» (стр. 92). Однако научная стратификация языка, по мнению авторов, начинается лишь тогда, когда складывается представление о языке как о совокупности относительно автономных структурированных систем (уровней) типа кодов, каждая из которых состоит из определенного набора элементарных символов и правил образования «кодовых комбинаций». Что касается лексикологии, морфологии и других разделов языкознания, то они трактуются как выделяемые с тех «различных точек зрения», с которых изучается язык; причем не все из этих разделов языкознания должны «непрерывно находить прямое соответствие в уровне членения языка» (стр. 116).

В современном языкознании, конечно, имеется абстрактно-логическая операциональная концепция системы языка. Ее сильная сторона — связь с логическими системами классификаций и описания объектов, эксплицитность процедуры анализа. Однако вряд ли правильно рассматривать ее как единственную и к тому же такую, которая раскрывает внутренние сущностные характеристики языка.

В современном языкознании есть и другая концепция системы языка, которая признает реальность конкретного языка, его категорий и рассматривает теорию как учение о системе реальных конкретных языков, так что принцип системности истолковывается как онтологический, обеспечивающий познание объективной действительности в ее целостности.

Следует отметить, что авторы касаются этого принципа системности. На стр. 20 читаем: «Структура языка — это объективно существующая категория, т. е. категория, наличествующая до нас и независимо от нашего сознания, это атрибут, присущий самому языку». «Нельзя закрывать глаза на то, что все элементы языковой системы экспонируются обычно теми или иными материальными и вполне конкретными сущностями». Однако рассмотрение проблемы объективности познания, сформулированной как противопоставление структуры и системы, приводит авторов к выводу о том, что «противопоставление онтологии объекта гносеологическим категориям его описания, чрезвычайно важное само по себе..., не вносит ничего существенного в различение понятий системы и структуры объекта и, в частности, в дифференциацию этих

понятий применительно к языку» (стр. 21).

Представляется, что неправомерность подобной постановки вопроса состоит в том, что онтологическая проблема решается при помощи операциональных определений, а прямое наблюдение понимается только как ощущение или чувственное разовое восприятие. Кстати, операциональные формулировки приводят к неизбежным противоречиям. Так, говоря об экспонировании языковой системы, авторы упоминают лишь об элементах системы. Но далее, при определении системы, указываются также и отношения, которые воплощены в определенную субстанцию (стр. 24).

Конечно, онтологические и концептуальные системы не тождественны, и отношения между ними сложны. Но важно подчеркнуть главное: онтологическую обусловленность любой концептуальной системы. В связи с этим не лишним будет напомнить оценку Л. В. Щербы тех высказываний о самоценности концептуальной, теоретической системы, на которые опираются авторы рецензируемой книги. Щерба критиковал представление о том, что «будто изучение грамматики имеет большее образовательное значение, чем практическое, и что сама она является плодом размышляющего над языком человека, а вовсе не объективной языковой действительностью, управляющей нашей „речью“ (parole)»⁶.

Внутренняя структура языка не является в принципе плоскостной и дуалистической, не сводится к уровням абстрагирования и интеграции. В европейском и отечественном языкознании не раз выдвигались и разрабатывались вопросы, связанные с характеристикой внутренней структуры языка как единства трех реальных систем. Это следующие системы.

1. Система единиц и категорий языка, распределенных по ярусам языка, которые изучаются фонетикой, морфологией, синтаксисом и лексикологией. Структурная стратификация языка понимается в этом случае не как поиск предельных единиц и единиц описания, уровней их интеграции, а как изучение реальных (и конкретных!) единиц и категорий языка; в зависимости от этого производится выделение основных разделов языкознания. Такое понимание структуры языка свойственно многим современным языковедам; в советском языкознании эта концепция нашла свое четкое выражение в работах И. И. Мещанинова и Л. В. Щербы; справедливости ради следует отметить, что один из авторов рецензируемой книги, А. А. Уфимцева, пишет: «Традиционная модель языка, несмотря на ее кажущуюся простоту и неадекватность объекту, от-

⁶ Л. В. Щерба, Избр. работы по языкознанию и фонетике, I, Л., 1958, стр. 13.

разила самые фундаментальные различия составляющих его элементов. "Поаспектное" разграничение языковых средств проведено по двум логически выдержанным основаниям: по характеру состава единиц и по типу смыслового содержания элементов языка. Первое отграничило лексические и грамматические средства (обладающие формой и содержанием) как самостоятельные языковые сущности от того, что служит при них в виде формы, т. е. от звуков, не имеющих самостоятельного значения; второе — провело границу между лексическим и грамматическим значением языковых элементов" (стр. 394).

2. Система надъязычных единиц и категорий, образующих содержательную (контентивную) форму языка, которую вслед за В. фон Гумбольдтом нередко называют «внутренней формой языка». Такое понимание структуры языка свойственно многим современным языковедам; в отечественном языкознании вслед за А. А. Потебней эту концепцию разрабатывали и разрабатывают многие советские языковеды, логики и психологи.

Языковая семантика свойственна самому языку; информативные языковые значения связаны с семантической структурой передаваемых сообщений⁷; наличие информативных языковых значений, постоянно связанных с единицами, категориями и моделями языка обеспечивает взаимодействие единиц языка и направленность языка на внеязыковое, передаваемое содержание, так что именно язык выступает средством общения, тогда как текст является материализацией речевого акта, наличие которого возможно именно потому, что язык предстает не как абстрактно-логическая схема, а как содержательная внутренняя структура и система.

3. Система стилей языка его социаль-

⁷ В любом предложении имеются информативные и формальные значения единиц языка. Так, во фразе *Ученик прочитал книгу* обнаруживаем ряд значений. Значение субъекта, объекта, прошедшего времени, вида образуют семантическую структуру передаваемого сообщения; лексические значения слов, значение числа имен существительных, три возможных смысловых (логических) ударения наполняют ее конкретным содержанием. Без общепринятой семантической структуры сообщения и ее предметно-понятийной наполненности передаваемая мысль не может быть понята. Поэтому подобные языковые значения являются информативными. Напротив, значения рода, конкретности, словообразовательной производности, хотя они и свойственны языковым единицам, непосредственно никак не влияют на семантическую структуру и содержание передаваемого сообщения. Поэтому подобные языковые значения являются формальными.

но-территориальных вариантов, которая также относится к внутренней структуре языка, если ее односторонне не сводить к абстрактной схеме и считаться с наличием реальной нормы языка. Авторы не говорят о такой системе как внутренней. Однако подобное понимание системы языка свойственно многим современным языковедам; теория литературного языка и его стилей является достижением советского языкознания. Так, В. В. Виноградов писал: «Если исходить из понимания общей структуры языка как „системы систем“ (что вызывает отдельные возражения, не всегда достаточно обоснованные), то стиль языка — это одна из частных систем (или „подсистем“), входящих в общую систему»⁸.

Таким образом, описание системы языка путем интеграции элементарных и структурных форм бытия языка и интеграции уровней познания, равно как и понимание языка как кода, является отнюдь не самой сильной интерпретацией языковой системы, во всяком случае — не единственной. Если заявлять, что абстрактно-логическая интерпретация вскрывает внутренние функции языка, а контентивная и социологическая интерпретация является внешней для понимания природы языка, то можно с неменьшим правом заявить, что контентивная и социологическая интерпретация вскрывает существенные характеристики языка, тогда как логико-математическая интерпретация является внешней. Наличие двух решений не дает истины, оно лишь ставит проблему — важнейшую проблему внутренней структуры языка, которая должна решаться объективно и всесторонне как важнейшая проблема, а не в качестве путных замечаний. Поэтому авторы обобщающего труда, если они действительно стремились осветить наиболее важные проблемы современного языкознания и направить их дальнейшее изучение по более рациональному пути, должны были дать объективное представление о современных концепциях. К сожалению, освещение проблемы внутренней структуры языка дано с позиций лишь одной из абстрактно-структуральных школ; вызывает удивление нигилистическое отношение к теории и практике отечественного и советского языкознания, в котором изучение методологии языкознания, языка именно как системы и отдельных ее компонентов («областей») всегда занимало почетное место.

Переходим к рассмотрению анализа отдельных областей языка изучаемых разными разделами языкознания, т. е. частными науками о ярусах языка.

В гл. III «Фонология» (стр. 120—199), написанной В. И. Поставаловой, «...сде-

⁸ В. В. Виноградов, *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*, М., 1963, стр. 201.

лан акцент на характеристике различных подходов к описанию фонологической системы языка» (стр. 6). Обратим внимание, что свою задачу автор сформулировал не как раскрытие существенных свойств звукового строя языка, а как отбор и анализ «аспектов описания звуковой стороны языка», опирающихся на разные «уровни абстракции описания». Хотя исчерпывающее описание предполагает учет кинематических, фонологических и фонетических аспектов, автор сосредоточивает свои усилия на характеристике абстрактно-фонологического описания.

Надо признать, что характеристика фонологической терминологии и приемов фонологического описания, типичных для структурально-логических школ, в главе дана четко и систематизировано. Убедительно показано, что разнообразие терминов в большинстве случаев вовсе не означает различных подходов; хорошо проанализирована синонимия фонологических терминов, последовательные приемы изучения фонем как пучка признаков (сегментация, идентификация, классификация), дана классификация реализаций (вариантов) фонем, фонологических позиций и структурных отношений. Так, показывается, что в структуральной фонологии для выражения взаимосвязи между исследуемыми элементами наиболее часто используются семь типов отношений: 1) парадигматические и синтагматические, 2) дистрибутивные, 3) логического предопределения элементов (взаимозависимость, детерминация, констелляция), 4) конституентные (отношения «часть — целое»), 5) отношения simultaneity (одновременности) — сукцессивности (последовательности), 6) отношения воплощения (манифестации, реализации), 7) отношения тождества — различия (стр. 168). В главе описывается также «гиперфонемная ситуация» и ее понимание в различных фонологических школах.

Звуковая система языка лишается конкретности и реальности. Если Т. В. Булыгина и Г. А. Климов реальность видели в том, что «звуковая система должна соответствовать произносительным и слуховым возможностям человека...» (стр. 93), то В. И. Поставалова признает тождество объекта и его описания. Опираясь на наличие множества интерпретаций и на критерий К. Базеля⁹ о реальности

как общности описаний, В. И. Поставалова в заключении главы пишет, что «определенным доказательством единства фонологии как науки служит, в частности, тот факт, что результаты практического описания фонологической системы языка, выполненные представителями различных научных школ, могут в значительной степени совпадать» (стр. 193).

Конечно, фонология «абстрактна» по сравнению с другими частными науками о системе языка. Но если верно утверждение, высказанное ранее, что фонологией называется наука об «области языка», то такая фонология не получила описания в рецензируемой главе, а сам звуковой строй языка, его онтологическая характеристика остались за пределами описания, хотя он и относится к внутренней структуре реального языка.

Гл. IV «Грамматика» (стр. 200—393), написанная Н. Д. Арутюновой и Т. В. Булыгиной, — самая пространная, но освещены в ней лишь некоторые проблемы современной грамматической теории. Самым странным является здесь отсутствие учения о словоформах и их парадигмах, о грамматических категориях и частях речи, т. е. всего того, что особенно тщательно анализировалось в отечественном языкознании, начиная от М. В. Ломоносова и А. А. Потебни и кончая работами В. В. Виноградова. В частях речи и грамматических категориях проявляется система как конкретно-языковая и реальная; проблема частей речи и грамматическое учение о слове принадлежит к числу важнейших и непреходящих.

Хорошо известно, что возникновение морфемики, словообразования и фразеологии, разработка синтаксиса — все это подрывало одноплановый характер морфологических учений. Возникает проблема новой классификации частных наук, изучающих внутреннюю структуру языка. Без детального рассмотрения проблемы Т. В. Булыгина приходит к выводу: «Представляется в общем обоснованным высказывавшееся рядом лингвистов мнение о том, что морфология не существует в виде самостоятельной дисциплины в одном ряду с теорией номинации и синтаксисом, но перекрещивается как с той, так и с другой сферой. Связанная с классифи-

B a z e l l, Phonemic and morphemic analysis, «Word», 8, 1, 1952, стр. 35). Следует напомнить, что подобные попытки оспорить объективность познания не новы. По поводу одной из таких попыток В. И. Ленин писал: «Релятивизм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человеческого существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., 18, стр. 139).

⁹ «... фонемы — это не артикуляторные, не акустические, не нервные, не чисто функциональные единицы; фонемы — это лингвистические единицы, которые должны быть постулированы на основе совпадающих показаний всех уровней. Именно это совпадение создает единицу. „Лингвистическая реальность“ фонемы — это как раз факт совпадения различных критериев в одной точке» (С. Е.

кацией средств выражения на основе формального сходства, морфология пересекает обе эти области, так как различные части одной морфологической системы могут иметь различные функции — ономотологическую и синтаксическую» (стр. 208).

Это «низвержение» морфологии, однако, в конечном итоге сводится к узкому пониманию ее как учения о средствах выражения грамматических значений и о морфеме как основной единицы морфологического анализа. В этом разделе детально рассматривается формирование современного учения о морфеме как единстве пучка сем и морф, классификация аффиксов. Учения о морфеме называются морфологическими концепциями и учением о структуре слова, что, конечно, не отражает современных представлений, где различаются морфемный состав слова и его морфологическая структура; кроме того, морфема является не только единицей морфологического анализа, но и структурной единицей самого языка, его словоформ.

Раздел синтаксиса, написанный Н. Д. Арутюновой, заметно отличается от разделов фонологии и морфологии большей разносторонностью раскрытия проблематики, привлечением фактического материала и онтологической направленностью; свежо и по-новому раскрыт аспект пропозитивной номинации. Автор действительно способен более отчетливо уяснению сущности синтаксических проблем и направлению их дальнейшего изучения по более рациональному пути. Правда, при этом за пределами раздела остается синтаксис словосочетания и синтаксис сложного предложения и сверхфразового единства, поскольку особое внимание уделяется синтагматическому и семантическому синтаксису предложения. Положительных результатов автор добивается именно потому, что идет не от «заранее определенных критериев», а от фактического материала и реальных достижений синтаксической науки. Конечно, спорным является бихевиористское утверждение о том, что семантику предложения можно непосредственно (минуя мышление и его формы) соотнести с обозначаемой им ситуацией, отыскивая в ней «как содержание, так и структурную модель единиц синтаксиса» (стр. 297).

В гл. V «Словообразование» (стр. 344—393, автор — Е. С. Кубрякова) обсуждается статус словообразования как лингвистической дисциплины и ее основные понятия. Рассмотрев связи словообразования с морфологическим, синтаксическим и лексическим уровнями, автор справедливо подчеркивает мысль «... о своеобразном промежуточном положении словообразования и о наличии у него совместных (пограничных) областей исследования с перечисленными дисциплинами» (стр. 358).

Справедливо замечание автора о том, что морфемный анализ (метод НС) не применим для словообразовательного анализа, так как при изучении словообразования исследователя интересует прежде всего последний словообразовательный акт (или последний деривационный шаг), что и вызывает необходимость изучать производящие основы и словообразующие аффиксы (или формативы), классифицируя дериваты при помощи словообразовательных типов (или моделей). Отношение словообразовательной производности включает в себя формальную и семантическую производность и мотивированность. Изучение словообразовательной производности и идентификация словообразовательных моделей приводит к выявлению словообразовательных рядов и словообразовательных гнезд. Рассматривая регулярность и продуктивность словообразовательных моделей, Е. С. Кубрякова устанавливает три качества словообразовательной модели — ее продуктивность (опирающуюся на объем словообразовательного ряда), ее активность (закрытость или открытость) и ее употребительность, т. е. частотность в тексте.

Заканчивая изложение, автор представляет раздел как «едва ли не первую попытку изложить проблематику словообразования как особую главу общего языкознания» (стр. 385), причем специфика этого нового раздела усматривается в том, что словообразование стало особой областью языкового моделирования (см. стр. 344 и 350). Такая оценка не является исторически точной. Первую попытку рассмотреть словообразование как проблематику общего языкознания и как особый раздел науки о языке сделали представители Казанской лингвистической школы, в частности Н. В. Крушевский¹⁰. По его мнению, словообразовательные средства выделяются потому, что каждое слово — «всегда член известных гнезд или систем слов», что в языке есть образцы, почему говорящие наделены «способностью производить слова», особенно от тех слов, выражаемое понятие которых ближе к понятию нового слова¹¹. В работе Крушевского специально рассмотрена специфика суффиксального и префиксального словообразования. Именно понятие системности и репродуктивной (моделирующей) способности лежит в основе учения о словоизменении и словообразовании у Крушевского.

Е. С. Кубрякова в главе «Словообразование» кратко и целенаправленно излагает те выводы, которые получены в современных работах по словообразованию, прежде всего — советских языковедов.

¹⁰ Н. В. Крушевский, Очерк науки о языке, Казань, 1883.

¹¹ Там же, стр. 66, 117, 100, 98.

В гл. VI «Лексика» (стр. 394—455) обсуждаются две проблемы — структурная организация лексики и ее единиц и вопрос о лексико-семантической системе языка. Автор главы А. А. Уфимцева вступает в принципиальный спор с соавторами по книге, с основным направлением исследования. Если авторы других разделов ориентируются на единицы и аспекты анализа, на план выражения, на структуральные и формализованные методы изучения языка, то А. А. Уфимцева, защищая традиционную модель языка, подчеркивает важность языковой семантики, важность онтологических критериев. «Гипертрофированный интерес, — пишет она, — к универсальным, логическим основам языка и пренебрежительное отношение к специфике смысловой стороны конкретных языков, идея изоморфизма разных уровней языка, нашедшие отражение в исследовательской практике многих лингвистических школ, привели к недостаточному разграничению разных видов языкового содержания» (стр. 402).

В главе обосновывается понимание слова как основной, базисной, центральной единицы языка и устанавливаются четыре аспекта анализа слова. Каждый аспект имеет свои единицы и систему их отношений. На фонематическом уровне выделяется фонемный состав слова, фонема как базисная единица и соответственно — фонологическая система языка; на морфематическом уровне определяется морфемный состав слова, морфема как конститутивная единица и соответственно — морфологическая система языка; на лексематическом уровне выделяется лексема как двусторонняя единица вокабуляра и элемент строя данного языка; на лексико-семантическом уровне исследуется лексико-семантический вариант слова (его отдельное значение) как основная единица лексико-семантической системы языка.

Если автор детализирует лексическую сторону слова, то для полноты картины структуры языка в соответствующем разделе целесообразно было бы детализировать и грамматическую сторону языка. Если изучение лексико-семантических вариантов помогает вскрыть семантическую структуру слова, то выделение морфемы помогает установить лишь морфемный состав слова, но не его грамматическую структуру. Морфема является поэтому единицей членения слова, а не конституирующей единицей морфологической системы языка. Конституирующей единицей является форма слова (словоформа): как «лексическое слово» есть единство лексемы и лексико-семантических вариантов, так и «морфологическое слово» есть единство словоформ, их грамматических форм и грамматических значений. Кроме того, слово (лексически и грамматически) привязано к определенным синтаксическим построениям; это его качество предполагает

и выделение синтаксических единиц и синтаксического строя в системе языка.

Изучение лексико-семантической системы языка предполагает, по мнению А. А. Уфимцевой, ограничение лексико-семантических вариантов слов, с одной стороны, от сем, а с другой — от слов-комплексов и употреблений слов и на этой основе — исследование таких специфических черт этой системы, как смысловая структура слова, семантический контекст и парадигматические отношения слов.

Структуру вокабуляра (или лексемного инвентаря) составляют ономатемы, т. е. слова первого порядка, объединяющие лексические и грамматические значения. По смысловому содержанию и выполняемой в языке функции выделяются четыре основные класса словесных знаков: полнозначные слова, имена собственные, дейктические слова и слова-связки. Структура вокабуляра увязана с классификацией слов по различным семантическим категориям и микросистемам.

В гл. VII «Фразеология» (стр. 456—515) В. Н. Телия рассматривает в связи с уровневой стратификацией несвободную сочетаемость слов и словесных значений в аспекте несвободных синтагматических связей слова и классификации единиц фразеологического состава языка. В главе рассказывается о разных подходах к проблеме слова в несвободном сочетании, как они отразились в основном в работах советских языковедов; рассматриваются фразеологические факторы, сопряженные со спецификой означающего и означаемого слова; перечисляются несвободные речевые единицы (клише, крылатые выражения, пословицы).

Считая фразеологию лишь аспектом изучения языковых фактов и рассматривая в то же время фразеологические единицы и фразеологический состав языка в плане стратификационно-уровневого моделирования, приемов исследования системных и уровней свойств фразеологизмов, В. Н. Телия представила несомненные достижения советских фразеологов в своеобразно трансформированном и расплывчатом виде.

Таким образом, изложение частных наук о структуре языка в книге дано разнотупово и неполно. Авторы отдельных глав имеют разную «системную ориентированность», выбирают вопросы и аспект изложения по собственному вкусу. Попытки связать «области языка» со стратификационно-уровневым моделированием и обосновать специфику «областей языка» не увенчались в целом успехом; достижения современных наук об «областях языка» (фонетика, морфология, фразеология, а также частично синтаксис и лексикология) представлены односторонне даже в той части, которая касается системного, структурного и стратификационного освещения соответствующих единиц и их места в системе языка-объекта.

Последние две главы, посвященные вопросам типологии и проблеме универсалий, как бы возвращают читателя к общей проблематике. Однако и в этом случае раскрытие системы и структуры языка ведется в абстрактно-логическом плане; координация с ранее сказанным о структуре, уровне, области языка прямо и явственно не осуществляется. Авторы оперируют в общем широко известными сведениями, и историографический аспект представляет для авторов ценность не столько сам по себе, сколько как материал для выводов, заменяя исследование самого материала многих языков.

В гл. VIII «Лингвистическая типология» (стр. 516—544), отграничив понятие типа языка (общего типа) от типа в языке (его типологической характеристики, частного типа), М. А. Журиная полагает, что «общее понятие типа языка до сих пор является субъективным и по сути своей методологическим...» (стр. 520), т. е. процедурно-методическим. Такой вывод делается на основе того известного факта, что, если «пытаться суммарно представить все типологическое своеобразие данного языка», то «такая типологическая характеристика... будет довольно громоздкой» (стр. 520). Понимание же типологии как типологической классификации является наиболее абстрактным, что у автора синонимизируется с понятием «наиболее субъективным». Истолковав таким образом диалектику конкретного и абстрактного, частного и общего, автор считает объективным лишь частные типы: «... очевидно, следует признать, что частный тип объективно существует в языке. Именно его существование является причиной того, что возможно охарактеризовать язык в соответствии с его структурными чертами — дать его типологическое описание» (стр. 521).

Если в гл. I признавалась объективность существования структуры языка (см. стр. 20), то в гл. VIII объективностью существования наделяется частный тип, уровень языка (автор его скорее понимает как «область языка» — стр. 521, 524), причем и при таком ограничении «существование языковых типов можно признать только при том условии, если некоторое типическое явление повторяется в разных единицах различных уровней языка, а также в разных языках» (стр. 521).

Сама история типологических исследований не является для автора доказательством объективности существования общего типа. «Типологические исследования», — пишет автор, — начались не с вычленения из языкового материала типологически важных черт, как того требует логика исследования, а с „другого конца“ — с составления общих типологических классификаций» (стр. 526). Рамки журнальной рецензии не позволяют специально говорить о типологической историографии и о возможности построения классификации

без выявления «важных черт» исследуемого объекта. Отметим только то, что этот аспект остается за пределами внимания автора, поскольку само построение общей классификационной типологии признается «нецелесообразным для современных знаний о языке» (стр. 532).

По мнению автора, «основную массу современных типологических исследований» составляют такие, которые занимаются типологией «отдельных уровней или категорий» (стр. 535), привлекают количественные критерии и стремятся создать типологию универсалий, изучая язык-эталон. Конечно, такое направление в изучении языковой типологии существует; однако оно отнюдь не единственное в современной типологии.

Автор гл. IX «Проблема универсалий языка» (стр. 545—561) Г. В. Колшанский справедливо пишет: «Генетическая, ареальная и типологическая классификации языков... являются необходимыми элементами лингвистического исследования, так как они позволяют глубже вскрыть сущность того или иного конкретного языка и способствуют выявлению исторических судеб языков и народов, носителей этих языков» (стр. 546). Не согласен Г. В. Колшанский и со сближением типологии языков и типологии универсалий, так как лингвистика типологии языков и лингвистика универсалий «... имеют совершенно различные предметы исследования и различные цели» (стр. 547).

Так выделяется еще одна проблема, которая получает статус отдельной науки — лингвистики универсалий. По мнению Г. В. Колшанского, широкое понимание универсалий предполагает исследование «признаков языка, не связанное с наблюдением некоторых эмпирических общих фактов и не зависимое от причин, порождающих сходства», и как «совершенно иная область исследования» уходит «в своих истоках не к изучению собственно конкретных признаков языков, а к выявлению признаков языка вообще в аспекте его специфики как атрибута человеческой деятельности» (стр. 547).

По сути дела, ставится вопрос о соотношении в лингвистике эмпирических и теоретических знаний, индуктивного и дедуктивного метода познания. Г. В. Колшанский справедливо подчеркивает, что категории и дефиниции лингвистики универсалий должны отражать «свойства и признаки определяемых объектов», так как «...самые абстрактные дефиниции неизбежно коррелируют с теми объектами, которые ими определяются» (стр. 548). Предметом лингвистики универсалий выступают «постоянные и всеобщие характеристики языка» (стр. 551). Эти характеристики (например, двучленность предложения, понятия времени, пространства, движения и т. д.) должны оцениваться только в плане того, чтобы они были «сущностными характеристиками» языка и что-

бы могли «затрагивать понятие природы языка» (стр. 551).

Установление сущностных признаков языка для определения его природы как важнейшего средства человеческого общения и как практического, действительного сознания является фундаментальной задачей теории языка. Отсюда, однако, не следует, что рациональное решение этой задачи может быть достигнуто путем создания особой лингвистики универсалий, противопоставленной не только языкознанию, ориентированному на конкретные языки, но и языковой типологии. Такая постановка вопроса, характерная для абстрактно-логического направления в языкознании, была впервые в явном виде сформулирована еще в XVII в. А. Арно, К. Лансло и П. Николем; находит она сторонников и среди современных лингвистов, особенно в последние десятилетия.

Существование такого «универсального» направления в языкознании — несомненный факт, имеются также известные достижения среди разнообразных школ этого направления. Возражение вызывает то, что выдвигаемые гипотезы и процедурно-методические принципы интерпретируются как фундаментальные теоретические понятия, изменяющие статус языкознания как науки о конкретно-реальных языках, изучаемых при помощи разного рода абстракций. Г. В. Колшанский остроу полемике пытается смягчить следующими словами: «В области лингвистических универсалий нет необходимости говорить об индуктивном или дедуктивном характере этих универсалий. Сами универсалии как качества языка относятся к онтологии объекта, а индукция или дедукция относятся только к сфере гносеологии, т. е. методам познания» (стр. 551—552).

Это не совсем точно, потому что и сам объект можно понимать различно, и соотношение индукции и дедукции в познании нередко может играть существенную роль в решении онтологических вопросов. Объект можно понимать как конкретную реальность, свойства которой обобщаются, и как «общую» реальность, которая идеализируется исследователем; реальные признаки языка могут быть предметно-конкретными и предметно-логическими; абстрактные дефиниции и в том и другом

случае будут «коррелировать с теми объектами, которые ими определяются» (стр. 548). Г. В. Колшанский объект науки о сущностных характеристиках языка определил на основе противопоставления частных и общих, конкретных и абстрактных признаков языка (стр. 546, 550, 552). Такое решение порождает известную двусмысленность. Даже Ф. де Соссюр, который сыграл огромную роль в распространении абстрактно-логического понимания языка, подчеркивая конкретность реальных объектов лингвистики, писал о том, что «язык не в меньшей мере, чем речь, есть предмет конкретный по своей природе» и что реальные объекты являются «конкретными сущностями» науки¹².

Таковы основные положения, раскрывающие направление исследования внутренней структуры языка в плане ее системных, типологических и универсальных характеристик и уровней и областей языкового анализа, как они представлены в книге «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». Многие отдельные достижения авторов нами не были отмечены; не были также сделаны замечания по частным высказываниям, которые кажутся спорными.

Сделанные критические замечания не могут обесценить того полезного, что имеется в книге: в ней поставлено много важных проблем и вопросов, предложены решения иногда рациональные, а иногда спорные (по признанию самих авторов, «... далеко не все здесь удалось удовлетворительно осветить и разрешить...» — стр. 6).

В целом книга получилась противоречивой. Проблема системы и структуры языка, его уровней и областей анализа не нашла согласованного решения — ни онтологически, ни процедурно-методически. Причина тому — односторонняя направленность исследования, односторонний абстрактно-логический подход, приводящий к забвению того, что лингвистическая истина конкретна и что лингвистическая теория есть теория своего собственного объекта — языка.

В. И. Кодухов

¹² Ф. де Соссюр, Курс общей лингвистики, М., 1933, стр. 39 и 105.